

Архимандрит Сергий (Акимов)

Проблемы перевода и толкования Еккл. 1:4-7

14 דור הולך ודור בא והארץ לעולם עמדת
15 וזרח השמש ובא השמש ואל-מקומו שואף זורח הוא שם
16 הולך אל-הרום וסובב אל-צפון סובב סבב הולך הרוח
ועל-סביבתיו שב הרוח
17 כל-הנהחלים הלכים אל-הים והים איננו מלא אל-מקום
שהנהחלים הלכים שם הם שבים ללכת

1.4 Род приходит, и род уходит,
земля же стоит вечно.

1.5 И **восходит** солнце, и уходит солнце,
и спешит к своему месту, где снова **восходит**.

1.6 Идет к югу и **кружится** к северу,
кружится кружится идуший ветер,
и на **круги** свои **воскружается** (**возвращается**) ветер.

1.7 Все потоки идут к морю,
и море не наполняется,
к месту, куда потоки идут,

чтобы (**снова**) идти

Отрывок Еккл. 1:4-7 является частью первого раздела Книги Екклезиаста (Еккл. 1:2-11), который следует после надписания (Еккл. 1:1) и является общим введением в книгу. После рамочного стиха, который начинает книгу (Еккл. 1:2) и завершает ее (Еккл. 12:8), автор, развивая высказанную мысль, задает риторический вопрос о пользе, выгоде, смысле всех дел человека, вопрос, в котором заложен от-

рицательный ответ: от своих дел любой человек ничего не приобретает (Еккл. 1:3). Последующие рассуждения вводного раздела представляют собой взгляд человека, который оценивает мир с позиции человеческой мудрости, оторванной от божественного контекста. О Боге впервые вспоминается только в Еккл. 1:13, причем в словах, содержащих скрытый упрек: Бог дал сынам человеческим тяжкий труд, чтобы они трудились им.

Автор рисует картину мироздания, в котором совершаются бесконечные круговращения поколений (в контрасте с пребывающей вечно землей), небесных светил, ветра, воды. На фоне круговращений в холодном огромном мире человек, его жизнь, деятельность кажутся незначительными, ничтожными и бессмысленными. В этой картине присутствие Бога едва ли ощутимо. Автор поэтапно, последовательно проводит мысль о том, что оторванная от Бога человеческая мудрость способна обесмыслить и мир, и человека, и даже саму себя. В конце введения автор развернуто подчеркивает, что в мире нет ничего нового, все, что происходит теперь, происходило и ранее, но и прошлое, и настоящее, и будущее будут преданы забвению.

Общий смысл введения в книгу прочитывается достаточно внятно. Сложности возникают при попытке понять и перевести с еврейского языка отдельные термины, а также при попытке выделить детализированную структуру введения, представляющего, как было отмечено, риторический вопрос и попытку ответа на этот вопрос.

В Еккл. 1:4-7 говорится о природных реалиях – (земле), солнце, ветре, водных потоках. В Еккл. 1:8-11 – о человеческом восприятии мира, отражающемся в способности говорить, видеть, слышать (и помнить). В комментариях обычно подчеркивается наличие в нашем отрывке двух находящихся в симметричном отношении друг к другу триад – явлений неживой природы (солнца, ветра и воды) и проявлений человеческих способностей (видеть, слышать и

говорить)¹. Хотя вполне уместно говорить не о триадах, а о четырех параллельных явлениях – четырех стихиях и четырех человеческих способностях. Стихии представлены землей, солнцем (которое может восприниматься как символ огня), ветром (то есть воздухом) и водой, человеческие способности – это речь, зрение, слух и память.

Вместе с тем, в данном фрагменте можно усмотреть и своеобразное чередование описаний реалий человеческой жизни и природных реалий:

человеческий род;

земля и солнце;

человеческий дух;

водные потоки;

*человеческие способности
(активность).*

Это чередование возможно в том случае, если под словом רוח понимать не ветер, а дух. Перевод термина רוח представляет сложность в целом ряде мест данной книги. Можно предполагать, что двусмысленность в восприятии этого термина была заложена самим автором. Здесь также уместно вспомнить и двойкий перевод часто повторяющегося в книге выражения רוח רענן, которое переводят то как «томление (человеческого) духа», то как «веяние ветра» («погоня за ветром»).

Описывая постоянные природные круговращения, постоянное повторение всего того, что существует в этом мире, автор библейской книги повторяет одни и те же глаголы (и производные от них формы): הלך (идти), אָז (уходить) и שב (возвращаться). Повторение однокоренных слов придает изложению определенную ритмичность. В Еккл. 1:4-7 *приходит* и *уходит* род, *уходит* солнце, *идет* ветер, *идут* водные потоки, *возвращаются* солнце и водные потоки. Современные переводчики нередко предпочитают насыщать текст Книги Екклезиаста синонимами там, где в ори-

---

¹ Horne, Milton P. *Proverbs-Ecclesiastes* / Milton P. Horne. Macon: Smyth & Helwys Publishing, 2003. (Smyth & Helwys Bible commentary, 12). P. 389.

гинале мы встречаем подчеркнутое повторение одних и тех же слов. И тогда *уходящее* солнце – заходит (в переводе А. Э. Графова¹ и в переводе под редакцией Кулаковых)², *идуший* ветер – летит (в переводе А. Э. Графова) и несется (в переводе под редакцией Кулаковых), *идущие* потоки – бегут и текут (в переводе Е. Б. Рашковского)³. Представляется, что внимательное и уважительное отношение к масоретскому тексту книги требует избегать внешнего украшения текста перевода различными синонимами для передачи ими одного и того же еврейского термина. Однако переводчикам, особенно обладающим литературными дарованиями, не всегда легко отказаться от соблазна проявить в тексте все возможности богатого синонимами русского языка.

Склонность автора Книги Екклесиаста к повторениям, к насыщению речи однокоренными или созвучными словами прослеживается с самых первых стихов. В Еккл. 1:2 пять слов из восьми являются однокоренными. В Еккл. 1:3 используются однокоренные слова «труд» и «трудиться». Особенно характерным является Еккл. 1:6, где встречаются четыре однокоренных слова от глагола «кружиться» и, кроме того, употребляется паронимия – созвучный глаголу כָּבַב (кружиться) глагол שָׁב (возвращаться): «Приходит к югу и кружится (וְיָשׁוּב) к северу, кружится-кружится (בָּב) (כֹּבֵב) приходящий ветер, и на круги своя (וְעַל-סְבִיבֵיהֶן) возвращается (или: воскружается) (בָּשָׁ) ветер»⁴. Поэтому слова «возвращается ветер» в данном случае можно было

---

¹ *Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Притчи (перевод и комментарии А. Десницкого). Книга Екклесиаста (перевод и комментарии А. Э. Графова). Книга Иова (перевод и комментарии А. Десницкого).* Российское Библийское общество, 2008.

² *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе* / Под ред. М. П. Кулакова и М. М. Кулакова (Серия «Современная библистика»). М.: Издательство ББИ, 2015.

³ Рашковский, Е. Б. *Кохелет, или Экклесиаст* / перевод с древнееврейского // *Волибный фонарь. Альманах.* № 1. М., 2012.

⁴ Перевод автора статьи.

бы передать как «воскружается ветер». В Синодальном переводе, как и в переводе А. Э. Графова и в переводе под редакцией Кулаковых, имеется три повторения, в Вульгате – два (и в переводе Е. Б. Рашковского), в Септуагинте – четыре. Повторения в данном случае можно считать риторическим приемом, усиливающим мысль о непрерывном движении в природе.

В этом же стихе мы встречаем два совершенно одинаковых стоящих рядом слова, которые написаны по-разному – סִבֵּב סִבֵּב. Первое слово имеет в своем составе мать чтения (букву ך, передающую долгий гласный звук «о», холам), а второе слово написано без матери чтения. Возможно, что древние редакторы текста (масореты) намеренно изменили написание в этой паре одинаковых слов, поскольку с аналогичной ситуацией мы сталкиваемся в Быт. 27:22 и Числ. 28:13¹.

Наряду с терминами «идти», «уходить», которые объединяют явления живой и неживой природы, поколения людей и природные стихии, автор использует и еще термин מִלֵּא, *наполнять*. Потоки, идущие к морю, не *наполняют* его (Еккл. 1:7), также не может *наполниться* и ухо человеческое слушанием (Еккл. 1:8).

Фрагмент Еккл. 1:4-7, изображающий неотвратимую смену поколений, круговращение человеческих родов на фоне вечно стоящей земли и идущего по кругу солнца, напоминает первые слова из египетских «Песен арфиста». «Исчезают тела и преходят, другие идут им на смену, со времени предков», – говорит арфист гробницы Иниотефа². Еще более близок к нашему фрагменту арфист гробницы Неферхотепа: «Со времен бога проходят тела, и поколения приходят на их место. Ра восходит утром, Атум заходит в Ману, мужчины оплодотворяют, женщины зачинают, все

---

¹ Тов, Э. *Текстология Ветхого Завета* / Э. Тов. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. С. 218.

² «Песнь арфиста» из папируса «Харрис 500» цитируется по переводу Б. А. Тураева из издания: Тураев, Б. А. *История Древнего Востока* / Б. А. Тураев. Минск: Харвест, 2002. С. 239.

носы вдыхают воздух, но утром их дети уходят к их местам (т. е. умирают)!»¹.

В шумерской «Песни древних властителей» рассуждения о мимолетности всего предваряют и завершают воспоминания о сменявших друг друга древних царях (т. е. древних поколениях): «(1) Планы осуществляются с Энки. (2) Согласно решениям богов распределяются судьбы. (3) С незапамятных времен – [ве]тер (*все мимолетно*). (4) Ты никогда не слышал этого из уст предков? (5) Над ними были одни (цари), (а над) теми были другие цари. (6) Над ними – дома, где они жили, под ними – их вечные дома (*т. е. все они умерли*). (7) (Дома (?) тех царей) не были построены. (8) Те люди были ниспровергнуты. (9) Где Алулу, царь, который правил 36 000 лет? (10) Где царь Этана, человек, который взошел на небеса? (11) Где Гильгамеш, который подобно Зиусудре достиг вечной жизни? (12) Где Хувава, который был схвачен и покорен? (13) Где Энкиду, сила которого не знала поражения в стране? (14) Где все эти цари, поводыри давних дней? (15) Они более не появляются, их более не рождают. (16) Как и дальние небеса, сможет ли моя рука достичь их? (17) Как глубокую преисподнюю, никто не постигнет их. (18) Вся жизнь – мираж (*иллюзия*). (19) Жизнь, на которую не проливается свет, как она может превосходить смерть? (20) Вместо одного дня радости властвовали 36 000 лет печали. (21) Для того, кто подносит богам питание, дается жизнь. (22) Это доля людей, живущих в доме юных»².

Автор Книги Екклезиаста изображает человечество втянутым в общий круговорот, круговорот бессмысленный и утомительный. При чтении рассматриваемых стихов мо-

---

¹ «Песнь арфиста» из гробницы Неферхотепа цитируется по переводу М. А. Матье из издания: Монте, П. *Egypte Ramesses / П. Монте*. Смоленск, 2000. С. 117-118.

² Текст Стандартной шумерской версии в реконструкции Б. Альстера. См.: Alster, Bendt. *Wisdom of Ancient Sumer / B. Alster*. Bethesda, Maryland: CDL Press, 2005. P. 300-305. Недостающие фрагменты Б. Альстер восстановил на основе Сиро-Месопотамской версии.

жет показаться, что этот природный суетный круговорот способен утомить не только человека, но даже его природных участников: солнце, ветер, потоки. После описания всеобщего круговорота автор говорит в Еккл. 1:8-9: «Все вещи (слова) (или: происходящее) – утомительный труд (или: «все происходящее – утомительная активность»), (который) не может человек пересказать (или: «не может человек пересказать всего / высказать все»), созерцанием которой не удовлетворится глаз, слушанием (о) которой на наполнится ухо. Что было, то и будет, что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»¹.

Первая часть 8 стиха может быть отнесена к отрывку Еккл. 1:4-7 как его завершающий вывод: все, о чем выше сказано – это утомительное суетное дело. В этом случае термин מְדַבֵּרִים нужно переводить как «вещи / дела». Если же воспринимать 8 стих как единое целое, то данный термин можно передать и как «слова», а сам стих воспринимать как своеобразное многоточие, говорящее о том, что примеры совершающихся в мире круговращений и повторов можно приводить бесконечно: об этом можно говорить-не-переговорить, слушать-не-переслушать, все это можно смотреть-не-пересмотреть. Автор словно говорит, что даже попытки пересказать все примеры повторяющейся утомительной и изнурительной, но при этом напрасной активности в природе, также утомительны и изнурительны. При всем этом, постоянное движение в мире не приносит в мир ничего принципиально нового, всякая активность в мире является суетной, тщетной, постоянно что-то совершается, но на самом деле ничего не происходит, нет никакого развития: нет ничего нового, а если что-то и кажется новым, так это потому, что все постоянно предается забвению. Забвение постигает прошлое, настоящее и будущее (Еккл. 1:9-11).

Образ солнца, который представлен в Еккл. 1:5, традиционно сопоставляется с египетской мифологией, рассказывающей о путешествии солнечного божества на своей

---

¹ Перевод автора статьи.

Барке Миллионов Лет. При толковании этого стиха вспоминают и 18 псалом. Однако солнце Екклезиаста несколько отличается и от солярного египетского божества, торжественно и медленно плывущего на своей ладье в окружении многочисленной свиты (пускай даже и вступающего в ночное сражение), и от солнца из 18 псалма, в котором наблюдение за движением пылающего небесного светила вызывает восторг и преклонение перед Создателем. Солнце в Книге Екклезиаста выглядит такой же жертвой установленного свыше миропорядка, как и человек. Оно изображено торопящемся, суетливым, впопыхах спешащим после своего ухода к очередному восходу.

Совершенно по-иному воспринимают картину мира библейские псалмы. Псалом 18 воспеваает Бога как творца величественного мира, как промыслителя, заботящегося о человеке. «(2) Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. (3) День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание... (5) ... Он поставил в них жилище солнцу, (6) и оно выходит, как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще: (7) от края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его» (Синодальный перевод). Если солнце и проходит постоянно свой неизбежный путь, то делает это не обреченно, а с радостью.

Нет в Книге Екклезиаста и того восторга от созерцания творения, с которым мы встречаемся также, например, в 8 псалме: «(2) Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! (3) Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя. (4) Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, (5) то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? (6) Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; (7) поставил его владыкою над делами рук Твоих; всё положил под ноги его: (8) овец и волов всех, и также полевых зверей, (9) птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими сте-

зиями. (10) Господи, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!» (Синодальный перевод). Автора 8 псалма на какой-то миг посетило настроение, присущее началу Книги Екклезиаста, осознание ничтожности человека на фоне великого мироздания, настроение, которое Екклезиаст продолжит развивать и в последующих главах, сомневаясь в смысле жизни и деятельности, в существенной разнице между человеком и животным, в необходимости соблюдать заповеди. Однако псалмопевец в своем ликовании преодолевает этот соблазн.

Настроение в начале Книги Екклезиаста совсем другое: Бог отстранен от своего творения, человек вовлечен в череду круговращений, обременен бессмысленным трудом, обречен на жизнь в несправедливом мире, после которой его ожидает неминуемая смерть, отнимающая у него все плоды его тяжелых трудов. Человек обречен жить в единообразном мире, где мало возможности для творчества, для созидания чего-то нового, такого, чего еще ранее не бывало. Сомнение и скепсис постоянно усиливаются и нагнетаются. Человек живет в мире, в котором он бессилен что-либо изменить. Но все эти сомнения и этот скепсис и преодолеваются, преодолеваются через веру, которая только одна способна дать успокоение человеку, наполнить его жизнь смыслом. Путь к этому – в абсолютном доверии к Творцу. Описанные в Книге Екклезиаста холодное мироздание, царящая в мире несправедливость, способны породить у читателя жажду нового неба и новой земли, полных божественного присутствия, божественной справедливости и божественной любви, жажду преображения мира, о чем так ярко писали пророки и что явил будущей перспективой в своем Откровении апостол Иоанн.